

5. Левинас Э. Время и Другой; Гуманизм другого человека / Э. Левинас; пер. с фр. А.В. Парибка; вступ. ст. и комм. Г.И. Беневича. – СПб. : Изд-во Высшей религиоз.-философ. школы, 1998. – 265 с.

УДК 17.0

Г. А. БРАНДТ

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

ЭТИКА В ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА: «НОВАЯ ДРАМА» О «СМЕРТИ» МОРАЛИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы «смерти» морали в современном театральном движении «новая драма». Методологической парадигмой данного рассмотрения является культурно-антропологический подход.

Культурно-антропологический поворот, этика долженствования, повседневность, новая драма, моральный вакуум, этика любви

G. A. BRANDT

THE ETHICS IN CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGM: "NEW DRAMA" ABOUT THE "DEATH" OF MORALITY

The article is devoted to the problem of the "death" of morality in the modern theatre movement "new drama". The methodological paradigm of this consideration is the cultural-anthropological approach.

Cultural-anthropological turn, the ethics of duty, everyday life, new drama, a moral vacuum, the ethics of love

XX век с большим трудом расставался с красивым кантовским утверждением по поводу двух самых интересных вещей на свете. Впрочем, что касается внешнего космоса – «звездного неба над головой» все может быть и осталось в силе, но красота заключалась в сопряжении космоса внешнего и внутреннего, а здесь – с идеей непреложного существования «нравственного закона внутри нас» после Освенцима и Гулага уже произошла осечка.

Советская этика, в отличие от западной, впрочем, совсем не торопилась признавать этот очевидный факт, кроме идеологических причин, еще и потому, что кантовская идея помогала в условиях тоталитарного государства отстаивать идею автономности личности, несводимости ее нравственного самостояния к моральным установкам, декларированным обществом. Когда в самом начале перестройки автор этих строк со своим коллегой опубликовали во всесоюзном издательстве общества «Знание» брошюру «Преодоление морали...», то главным героем там выступил именно Кант со своим категорическим императивом, не позволявшим человеку, нравственному миру его «я» оправдывать свои конформистские «прогибания» под режим внешними моральными нормами и жизненными обстоятельствами. «Это во мне, – утверждает Кант, – звучит голос Человечества. Чтобы что-то решить человек должен спросить себя: «А какой выбор был бы достоин Человека?» И поступать должен только тогда, когда найдет ответ в себе самом, а не в морали, законе, чьем-то мнении и т. п. Поступая же иначе, своекорыстно или по утвердившейся норме («как все», «как люди», «не хуже других» и т. п.), человек оказывается не на уровне Человека и должен стыдиться» [1. С. 36].

Почему сегодня, когда я читаю эти в принципе «правильные» строки, то испытываю чувство некоторой неловкости? Почему в этической триаде – нравственность (внутренняя вертикаль – категорический императив, «голос Человечества»), мораль (социально-декларированный регулятор – светский или советский кодекс), нравы (реальные обычаи и формы повседневного поведения людей) – самым значимым сейчас кажется то, что раньше было вообще вне поля интереса, а именно третья? «Нравы» – традиционное, закрепленное в гегелевских рассуждениях, обозначение того поля социальной жизни, которое сегодня с определенными допущениями называется и «особой манерой воображения реальности» (К. Гирц), и «моделями жизни», и «моделями для жизни» (Р. Росалдо), и «формулами жизни» (Н. Рис), наконец, институтами, понимаемыми как комплексы устойчивых моделей и конвенций, регулирующих человеческую жизнь в конкретном сообществе. Дело может

быть, в частности, в усталости от нормативности и эссенциализма классического дискурса, осознания его абстрактной природы, его, по большому счету, нежизнеспособности в новой исторической ситуации [2]? Культурно-антропологический поворот в гуманитарном знании есть как раз ценностный поворот от метафизики с ее предельными началами и императивами к микрофизике повседневного бытия людей, их реальных, «сущих» (а не «должных») этических ориентиров.

Но если все же, в первую очередь, говорить не о процессах в теоретической сфере, сколько о самой текучей современности, то здесь, конечно, постмодернистские тенденции, настроения существенно переформатировали саму этическую парадигму жизни. Этика долженствования была поставлена под большой вопрос. В эпоху постмодерна никто никому в этическом смысле ничего не должен, поскольку сами представления о добре и зле, о правильном и неправильном, высоком и низком, как известно, «потекли», и поступки людей все больше стали вырастать не столько из морально-нравственных долженствований, сколько из энергии любви/ненависти, симпатии/антипатии, интереса/безразличия.

Для исследования этих процессов, разлитых в повседневности, интересно обратиться к такому феномену как «новая драма» – современному театральному направлению, чрезвычайно популярному сегодня. Это движение возникает в начале 90-х на подвальных сценах, в неформатных читках, экспериментальных лабораториях, чуть позже – многочисленных фестивалях. Ей свойственна новая, жесткая (допускающая в том числе нецензурную лексику) фактура языка, новая реальность, увиденная глазами молодых, часто «невстроенных» в социальные структуры людей, иные, гораздо более открытые и демократические принципы театра. Нам в данном случае важна принципиальная близость новодрамских авторов жизненным реалиям во всей их неприглядной конкретности. Их произведения, далеко не всегда отмеченные высокими эстетическими достоинствами, тем не менее, отличает острая чувствительность на изменения в человеческих отношениях, реакциях,

приоритетах (впрочем, в последнее десятилетие и эстетические качества новодрамских текстов значительно повысились, не случайно сегодня трудно найти театр большого города, в афише которого не значились бы спектакли «новой драмы», либо семинары или лаборатории, исследующие этот процесс с целью включить новых авторов в репертуар).

Представляется, что можно говорить о двух, в определенном смысле, противоположных тенденциях в этическом поле человеческих отношений, которые фиксирует «новая драма». Первая – и именно о ней прежде всего пойдет речь в этой статье – транслирует ощущение, что морально-нравственная ситуация сегодня напоминает выжженную пустыню, единственное, что еще как-то функционирует – это оторванные от какого бы то ни было смыслового наполнения социальные ритуалы. Вопрос о моральном сознании героев даже как-то не возникает, поскольку у них не возникает самой ситуации выбора. Люди, подобно марионеткам, выполняют нужные, а точнее, давно не нужные правила, просто по привычке, живя по заданным траекториям, не чувствуя, что эти формы жизни давно опустели, давно утратили свое означаемое, стали симулякрами. Об этом в том или ином смысле – пьесы известных уже всей театральной Европе братьев Прясниковых: «Терроризм», «Изображая жертву», «Приход тела»... Авторы, как античные боги, смотрят сверху вниз и хохочут над неуклюжей повседневностью современных людей, потерявших свое «Я», а вместе с ним и собственную нравственную позицию, но продолжающих играть роли мужа, матери, сына, любовника, подруги, бабушки, совершая экстраординарные, как правило, поступки, находящиеся по ту сторону морали. Так мать из «Прихода тела», убежденная, что убила малолетнюю дочь, воющая и страдающая, сразу же после того, как милиционер уносит тело, всхлипывая, интересуется у мужа: «Картошку жарить или лапшу варить?» Так голый (в одной бейсболке) герой из «Изображая жертву» лежит с одетой, как сказано в авторской ремарке, «в черное чопорное пальто, колготки, юбку и сапоги» подругой, которая, массируя его член, ноет о женитьбе, а он корректирует ее действия и одновременно ведет разговор о том, какой хлеб купить с пришедшей

после работы мамой. А бабушка из «Терроризма», приглядывая за малолетним внуком, внимательно выслушивает, как ее подруга учит ее помочь этническому зятю «встретиться с вечностью» (та уже помогла так своему мужу-бандиту), иначе, когда на «этнос» мода пройдет, всех кормить на свою пенсию придется, и, принимая пузырек, только уточняет: «По сколько? По одной?»

Еще более определенно по поводу моральных ориентиров современного человека высказывается в своих пьесах другой лидер новодрамского движения Иван Вырыпаев. В своей пьесе «Кислород», с которой и началось его стремительное театральное восхождение, он, тогда еще будучи никому неизвестным двадцатилетним парнем из Иркутска, вступает на сцене в спор с Отцом всей европейской культуры, отчаянно опровергая Его основные заповеди – «не убий!» и «не прелюбодействуй!». А почему нельзя убивать? Почему нельзя прелюбодействовать? Также ощущая мертвую механистичность современной повседневности, Вырыпаев доказывает, что для его поколения главное – кислород (свобода дыхания, драйв, танец, чувственный порыв)! И если этот единственно значимый смысл – «кислород» – кто-то перекрывает, его следует убить. Даже если помеха циркуляции – собственная жена. Что и делает, не задумываясь, герой пьесы – житель маленького подмосковного городка, путем удара лопаты по черепу.

Спектакль по пьесе с самим Вырыпаевым в главной роли в свое время прокатился по всей стране и буквально взорвал театральную общественность, а сравнительно недавно снятый самим же драматургом фильм с одноименным названием получил гран-при Кинотавра, то есть, несмотря на эпатаж, что-то важное в социальном воздухе автор, несомненно, уловил. Об это говорил и Дм. Быков, анализируя предыдущий фильм Вырыпаева «Эйфория»: здесь «дом поджигают по-настоящему, и палец отгрызают по-настоящему, и незаконных любовников убивают тоже вполне реалистически. Но все это происходит так красиво и так спокойно, и так аморально, даже имморально, как землетрясение. Моральные категории упразднены. И вот этим-то шоком он и прибывает

зрителя по-настоящему: не смертью героя, а именно смертью морали. Ее нет больше» [3. С. 323].

Совсем недавно, несколько месяцев назад, была написана пьеса с ироничным названием «В душе хороший человек», автор которой Светлана Баженова, еще студентка (драматургический курс Коляды Екатеринбургского театрального института). Просто приведу цитату из разговора брата с сестрой из этой пьесы по поводу интересующего нас предмета: «Ты чувствуешь хоть, что мы приближаемся к сверхчеловеческому состоянию? У меня появляются всякие такие мысли... Тут вон же творится – люди гибнут, и все прочее, а ты только ходишь и подаешь признаки жизни: плачешь, смеешься, хмуришься, заикаешься... И вот уже это стадо психопатов принимает тебя за своего. Вот ты уже прослыл у них и добрым, и умным, и человеческим, и темпераментным, и столько всего в тебе уже намешано! А ты даже не затрачивался, ты уже сегодня не помнишь половины имен, а завтра не узнаешь в лицо ту, которой сейчас признаешься в любви. Это не цинизм, это даже не равнодушие. Это кое-что покруче. Этому чудесному свойству человеческой души еще не придумали названия, потому что его не так давно вывели, но – увидишь: пройдет совсем немного времени, и это качество будет таким же обязательным условием при приеме на работу, как сейчас, умение работать в команде, ответственность и обучаемость».

Речь о другой упомянутой нами тенденции пойдет, видимо, уже в другой статье, здесь же укажем только на то, что в пьесах ряда совсем молодых авторов отчетливо ощущаются совсем другие настроения по поводу морального вакуума современной жизни людей. В пьесах Ярославы Пулинович (например, «Он пропал без вести»), Нины Беленицкой («Павлик – мой бог»), Насти Букреевой («Щенок на люке»), Ирины Васьковской («Март») идут отчаянные поиски новых ценностных, и в том числе, конечно, нравственных ориентиров человеческих отношений, которые принимают иногда трагические, как у Пулинович, иногда совсем невероятные, как у Беленицкой, формы какой-то первозданной наивности (вот уж действительно – «мир впервые»). Но это

продиктовано жаждой найти свое, подлинное, живое, не имеющее ничего общего с теми мертвыми сегодня императивами, выродившимися в пустые ритуалы. И это живое вырастает именно в поле этики, которая питается энергией любви, а не долженствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Брандт Г.А., Лобок А.М. Преодоление морали или парадоксы «нравственного искусства». – М.: «Знание». – №5. – 1990. – 63 с.
- 2.Исследователи выражаются на этот счет еще определенной: «Этический субъект скончался после длинной цепи массовых убийств, в итоге Второй мировой войны и опыта нацистского и советского тоталитаризма. Со всем основанием и совершенно корректно этот опыт был истолкован как полное банкротство классической этики» (Хоружий С.С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 89).
- 3.Быков Дм. На пустом месте: статьи, эссе. – СПб.: «Лимбус Пресс», 2008. – 328 с.

УДК 17.0

Е. В. ДЕМИДОВА

г. Москва, Военная академия им. Петра Великого

ОТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭТИКИ – К ЭТИКЕ СОБЫТИЯ

(М. БАХТИН – А. БАДЬЮ)

Статья посвящена проблеме соотношения субъективного действия с универсальным законом. В статье выявляются сходства и различия между взглядами Бахтина и Бадью на понимание этики события.

Бахтин, Бадью, этика события, философия поступка, верность событию, ответственность

E.V. DEMIDOVA

FROM UNIVERSAL ETHICS TO ETHICS OF EVENT (M. Bakhtin – A. Badiou)